

ПУТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Русская мысль»

Автор шестистраничной биографии "Анна Ахматова: поэт и пророк" (Нью-Йорк, St. Martin's Press, 1994) Роберта Ридер — известная американская славистка, преподававшая в Гарвардском и Марбургском университетах и ныне работающая в Веймаре. Р.Ридер была редактором, составителем и комментатором двуязычного полного собрания стихотворений Ахматовой, вышедшего в Америке пять лет назад в двух томах. Она не только ученый, но и общественный деятель: благодаря ее инициативе во многих городах и университетах не только Америки, но и Европы были организованы фестивали русской и украинской культуры, выставки, концерты, театральные мероприятия. Предлагаем читателям ее новую книгу, которая многими критиками, в том числе и русскими, признана лучшей научной биографией Анны Ахматовой.

— Позвольте вам задать традиционный вопрос, с которым обычно обращаются к западным славистам: каков был ваш путь к русской литературе?

Самый обыкновенный. Будучи студенткой, я изучала русский язык, и мало-помалу я стала постигать, как велико богатство русской культуры — я имела в виду не только литературу, но и музыку, живопись. И я решила посвятить этому мою жизнь. Меня вообще интересует, может быть, не столько литература, сколько интеллектуальная история России.

— А как вы пришли именно к Ахматовой? Было ли это просто личное пристрастие?

Не совсем. Диссертацию я, например, защищала по Пушкину: "Античность в лирике Пушкина".

Анна Ахматова — поэт и пророк

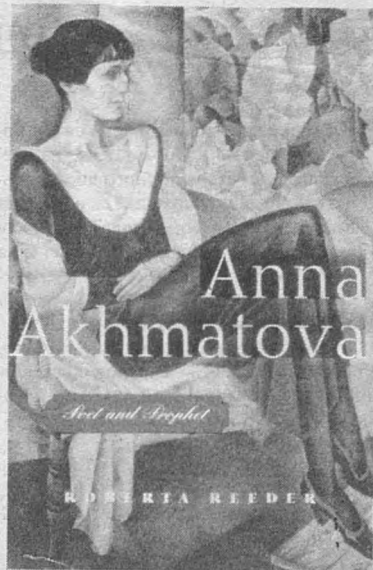
Интервью с Робертой Ридер

Но постепенно мой интерес стал двигаться к рубежу всков, к Серебряному веку.

И как-то мне совершенно случайно позволили из одного издательства и сказали, что у них есть рукопись переводов на английский язык восьмисот стихотворений Ахматовой, выполненных талантливой американской поэтессой Джулит Хеминсмайер. Она очень хорошо чувствовала поэзию, и особенно поэзию Ахматовой, но недостаточно владела русским языком. Издательство пожелало провести научную экспертизу этих переводов, дать им филологическую оценку. Я взялась сверять переводы с оригиналом. Мы проделали огромную работу. В течение трех лет мы переписывались, она присылала мне около 50 стихотворений в неделю. И я слово за словом правила ее перевод, сверяя не только верность смыслу подлинника, но и стилистические нюансы. Рукопись переписывалась три раза, прежде чем была готова к печати. Эти переводы и составили американское собрание сочинений Ахматовой.

И вот через это я почувствовала и навсегда полюбила Ахматову. Она была в центре моих научных интересов многие годы.

Собрание сочинений было рассчитано на американского читателя, мало знакомого не только с Ахматовой, но и с русской культурой. Я должна была написать большое предисловие к нему и

Обложка книги Р.Ридер.

откомментировать стихотворения.

Однако я не могла в это предисловие вместить весь собранный мною материал. И когда издательство "St. Martin's Press" попросило меня написать по возможности полную биографию Ахматовой, я была счастлива этому. У меня появилась перспектива реализовать весь мой материал, накопленный за годы работы над творчеством Ахматовой. К великой моей радости, я была на этот раз не ограничена в объеме.

— Не кажется ли вам удивительным, что самая большая биография Ахматовой выходит не на русском языке?

Нет, что-то подобное существует и в России, например, книга Дмитрия Хренкова "Анна Ахматова в Петербурге, Петрограде, Ленинграде". Это очень хороший ученый, но он сам сознательно отказался от научной биографии.

Я же не меньше внимания уделяла ее творчеству, чем жизни. Я много занималась комментированием ее стихов, в моей книге одной только "Поэме без героя" посвящено 75 страниц.

— То есть ваша книга — это и большое литературоведческое исследование...

Да, это принцип моей работы.

— Кроме Ахматовой, какие еще у вас предпочтения среди русских поэтов Серебряного века?

Блок. Мандельштам. Я их очень люблю, но, к сожалению, у меня не было времени изучать их с такой тщательностью, как Ахматову.

Я хотела бы сказать и о Гумилеве. Мне очень близки мысли русского ученого Вяч. Вс. Иванова, которые он высказал в своей блестящей статье "Звездная вспышка Николая Гумилева". Иванов написал очень верную метафору. Поэтическая судьба Гумилева, его последние годы — действительно звездная вспышка. Ведь ранняя поэзия Гумилева — это "learned poetry" (ученая поэзия). Он очень хорошо владел правилами версификации, но его поэзия была лишена души. Блок очень точно сказал о нем — "Без божества, без вдохновения". Но в конце что-то случилось в его жизни... Я не знаю что... Это был какой-то скачок. Как прекрасны его последние стихотворения!

И любопытно, что "ученой поэзии" совсем не поддавалась Ахматова. Ее дар простоты был подобен пушкинскому. Она умела обходиться без обильных аллюзий, усложненных метафор и т.п.

— А "Поэма без героя"?

— Это совсем другое. В ней нет и следа "научности". Символика "Поэмы без героя" служила скорее для сжатости поэтического высказывания. Ей необходимо было сказать так многое... Это

иногда достигается только через символ.

— Но вернемся непосредственно к вашей книге. У нее очень интересная композиция. Книга построена так, что повествование охватывает не только историю жизни Ахматовой, но и историю русской культуры и, наконец, историю России XX века.

— Да. Видите ли, меня критика часто упрекает в том, что я отхожу от темы, теряю нить... Что я чуть ли не забываю, что пишу именно об Ахматовой. Но дело в том, что это и есть структура моей книги. Она такова, что почти каждую главу я фокусировала, помимо Ахматовой, на каком-нибудь другом поэте. Например, в начале книги это Блок и Гумилев. В 30-х годах — Мандельштам. В 50-х — Пастернак, потому что, хотя она и знала его давно, еще до революции, но, думаю, что именно в те годы и именно в лице Пастернака наиболее четко выразилась оппозиция "поэт и государство". Ведь тема моей книги — это не только Ахматова, но также и отношения поэта, и шире, интеллигенции, с государством.

А в 60-е годы — Бродский. Ахматова была уже пожилой женщиной, когда с ним познакомилась, он был в самом начале своего пути, но уже тогда было ясно, что Бродский как явление заполняет собою пустое пространство русской поэзии. Об этом мне много рассказывал Адмони. Он был из тех, кто присутствовал на суде Бродского. Он говорил мне, что государство искало жертву, но значительную, существенную жертву, важную жертву. Что-то власть разглядела именно в Бродском...

Вы хотите сказать, что советская власть была столь эстетически проницательна?

— Не исключено. Возможно. Но дело не только в качестве или уровне поэзии Бродского. Он был не просто поэтом, но всхои на пути русской культуры XX века. Может быть, я преувеличиваю... Но ведь очень многие люди рисковали собственной свободой, защищая Бродского на суде. Кто знает, делали ли бы они это ради посредственности.

— Скажите, в какой мере вы использовали одну из лучших и своеобразнейших "биографий" Ахматовой — дневники Лидии Чуковской?

— В огромной. Но и не только ее. Я должна сказать, что если бы я взялась за такую книгу хотя бы десятью годами раньше, я бы не смогла ее написать. За последнее время появилось бесчисленное количество свидетельств о ней. (В конце своей книги Роберта Ридер приводит огромную библиографию).

— Вы предназначали вашу книгу западному читателю или и западному, и русскому?

Моей первой целью было, конечно же, ознакомить американского читателя с творчеством Ахматовой, с русской культурой. Дягилев говорил (я не помню точно его слова), что как Петр прорубил окно в Европу из России, так и он хотел бы прорубить окно в Россию с Запада.

Моя книга была бы больше интересна американскому читателю. В начале каждой главы я прежде всего воссоздаю исторический контекст, который русским читателям и без того известен. Ведь большинство американцев не знают, что в 1917 году было две революции, а не одна. Но, с другой стороны, и в этом меня тоже много упрекали, я привожу очень большие цитаты из различных

источников и документов. Русский читатель мог бы их прочесть и по-русски, но не у всех есть время на это... Я прочла тысячи книг и статей по этой теме. Возможно, этот материал был бы интересен всем, в том числе и русским специалистам.

Например, очень важная тема: отношения Ахматовой с сыном, Львом Гумилевым. Я должна была свести воедино огромное количество свидетельств. Что говорит об этом, например, Эмма Герштейн, что говорит Чуковская, что говорит сама Ахматова. И я как ученый тоже должна высказать свое мнение. По возможности, объективно. Если объективность в таких предметах вообще возможна.

— А, кстати, насколько известна американцам научная деятельность Льва Гумилева?

— Его никто в Америке не знает. Никто. Только эмигранты. Мне очень интересна его "евразийская" теория. Но ни один американец не знает, что такое Евразия.

А ведь это очень красивая культура. Моей целью было показать красоту России. Я в конце книги указываю на важность изучения именно азиатской стороны русской культуры.

И американцы, и европейцы должны переосмыслить эту часть русской культуры. Заново ее оценить. Над этим очень легко смеяться, говорить, что они варвары и т.д. Но ведь и русские не всегда понимают, или вообще не осознают, какое это сокровище — *евразийство*, и вообще, *азиатские корни*.

Мне очень интересно ваше мнение по одному вопросу. В последнее время в России достаточно популярно мнение, что, например, "Поэма без героя" — это не шедевр, не расцвет творчества Ахматовой, не кульминация, а, наоборот, упадок, поражение... И вообще существует убеждение, что творчество 10-х — 20-х годов — это и есть лучшее в Ахматовой.

— Нет, нет, это мне малопонятно. Дар Ахматовой — это как пушкинский. Она никогда не была эксцентричной, как Цветаева или Маяковский, которого я очень люблю. Ахматова — это совсем другой тип человека. Ахматова была наделена невероятной глубиной чувств. Но она редко шла на экзотическую откровенность. В четырех строках она могла сказать столько, сколько другой, даже талантливый поэт, — в 12-ти, 16-ти строках. Жизненные страдания Ахматовой мало кому были бы по силам. Но не меньше поражает ее сдержанность как поэта, если угодно, лаконичность. Дело в том, что и сама Ахматова чувствовала коренные перемены в своем позднем творчестве, когда писала: "Мой почерк изменяется." Но в этом я даже с ней не могу согласиться.

Нет, я убеждена, что "Поэма без героя" — ее абсолютный шедевр.

— И последний, возможно, странный вопрос. Как вы объясняете тот факт, что в России, культура которой в XIX веке была преимущественно *мужской*, появились поэты — Ахматова и Цветаева, сильнейшие поэты XX века. Наверное, в этом есть нечто специфически характерное именно для нашего уходящего века.

— Да, я много думала об этом. И это присуще не только литературе. Вот в Париже проходит выставка Натальи Гончаровой. Откуда она? Я должна сказать, что сейчас в Америке много ученых занимается именно этим: русской *женской* культурой.

Но почему именно на долю Ахматовой и Цветаевой выпала такая слава, этого я не могу объяснить. В этом есть какая-то тайна.

Интервью взял

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж